

Какая модернизация предстоит России?

Либеральная или консервативная?

Яков Пляйс

С 2000 по 2010 г. в нашем журнале профессор Я.А.Пляйс рассматривал различные аспекты темы модернизации России. Речь шла, в частности, о политической модернизации, модернизации российской цивилизации, особенностях современной модернизации и других аспектах. Продолжая размышлять о специфике современной модернизации, автор особое внимание уделяет ее субъектам.

От редакции

Мне уже неоднократно, в том числе в журнале «Обозреватель–Observer», приходилось излагать свои взгляды на то, что должна представлять собой современная системная модернизация России, чем она должна отличаться от предыдущих модернизаций XVIII–XX вв., каков был их опыт и т.д.

В данной статье мне хотелось бы продолжить и порассуждать не только об императивности модернизации, по поводу которой мнение достаточно единодушное, но и об основных субъектах политической модернизации современной России.

Чтобы предметно рассуждать о субъектах модернизации, не мешает определиться с содержанием самого термина «субъект модернизации». В моем представлении это активное действующее лицо, структура или институт, которые не только генерируют саму идею модернизации, но и являются ее конструкторами, архитекторами и создателями. Субъекты бывают различные. Более всего важны субъекты решающего значения. В нашем случае это президент, правительство, парламент, правящая элита различных уровней. Именно от них зависят цели, задачи, методы, формы, темпы модернизации и пр.

Другие субъекты, обладающие различной степенью активности, скорее заслуживают определения катализаторов. Они не имеют такого значения, но также важны. Однако при соответствующих

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Политология» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: prof.pleis@politwiss.de

Ключевые слова: модернизация, либеральная, консервативная, субъекты.

благоприятных условиях они могут становиться и становятся активными участниками модернизации. Речь идет, в частности, о среднем классе, который может стать активным и значимым субъектом только в том случае, если для этого есть благоприятные социально-политические и экономические условия. Кроме того, он должен быть достаточно многочисленным, чтобы играть роль субъекта. Например, во время президентских или парламентских выборов или в экономической жизни страны.

Из сказанного вытекает, что некоторые акторы являются субъектами любого процесса (в данном случае – модернизации) по своей природе и по определению, а другие могут стать и быть таковыми только при наличии благоприятных условий.

Ответ на вопрос о причине выбора темы состоит в том, что наши рассуждения и декларации, начиная с деклараций знаковых фигур российской политики, в частности первых лиц государства, ограничиваются, к сожалению, общими констатациями о целесообразности модернизации и ее основных направлениях. При колоссальном обилии материала фактически ничего не говорится о том, готовы ли наше общество и государство к модернизации, стремятся ли они к ней, и если стремятся, то к какой именно, и что конкретно надо сделать, чтобы модернизацию осуществить. Не говорится также ничего о том, каковы субъекты модернизации, в каком они состоянии, готовы ли они модернизировать страну, как они собираются это делать и т. д. Было бы крайне важно узнать от архитекторов, что надо сделать, если общество, государство и другие субъекты не готовы и не стремятся к модернизации, чтобы они все-таки ее восприняли как жизненно важную, то есть императивную потребность, чтобы активно включились в нее и стремились ее осуществить.

Наиболее существенное об императивности модернизации и ее объективных препятствиях и противниках

Мне уже неоднократно приходилось доказывать, что вопрос для России стоит не иначе как «быть или не быть», то есть либо страна модернизируется в обозримом будущем, либо она перестанет быть суверенной державой.

Поэтому следует отметить следующее.

Императивность системной модернизации и для нашего общества, и для государства складывается из двух составляющих: внутренней и внешней.

Что касается первой составляющей, то заключается она в том, что в XX в. наше общество достигло такого уровня развития, который будет настойчиво побуждать его стремиться к лучшим мировым стандартам жизни. Та часть общества, которая наиболее амбициозна, мобильна, достаточно образована и не боится поиска лучшей доли в дальнем зарубежье, легко и без особого сожаления покидает Россию, чтобы реализо-

вать свои планы вдали от нее. Таковых, как мы знаем, уже не одна сотня тысяч, и очень мало надежды, что в скором будущем эмиграция прекратится или обернется вспять.

Та же часть нашего населения, которая по разным причинам остается в стране, не будет бесконечно терпеть то социальное расслоение, которое образовалось в России за последние 20 лет. Стратификация общества, по оценкам многих специалистов, составляет от 15 до 20 раз (кое-кто считает, что оно доходит до 40 раз), что представляет собой явную угрозу для социальной стабильности и порождает не просто недовольство населения, а устойчивые революционные настроения.

Много лет исследующий эту проблему директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг говорит, что «экономическая чехарда разделила страну на части: 90% населения живут по принципу «спасайся кто

может», а остальные 10% живут в свое удовольствие, распределяя гигантские денежные потоки – бывшие закрома Родины. Этот анархо-феодальный капитализм стал очередным препятствием в развитии России.

В эйфории обожествления рынка забыли, что есть целые сферы жизни, которые в развитых странах давно планируются и регулируются. Прежде всего это нужно для социального спокойствия. Там давно поняли: чтобы хорошо жилось сильным мира сего, их менее удачливые соотечественники тоже должны нормально себя ощущать, пусть и жить от зарплаты до зарплаты, но иметь возможность ездить в отпуск, рожать детей, получать образование, достойную медпомощь – в общем, быть благополучным средним классом.

Правящей элите будет спокойно, только если середнячков будет не менее двух третей населения. Так это «ИМ» надо, чтобы «НАМ» жилось лучше, чем сейчас¹.

Наличие такого класса у нас, как и повсюду в мире, абсолютно необходимо не только для сохранения социальной стабильности, но и потому, что именно благополучный средний класс является самым массовым потребителем новой продукции, и именно он – основной стимулятор инноваций и, в конечном счете, прогресса. Отсюда следует, что средний класс – главный катализатор модернизации. В западных странах его можно считать также субъектом модернизации.

Без такого среднего класса у нашей модернизации незавидная перспектива, а точнее – никакая.

Хотелось бы обратить внимание читателя на одно комплексное исследование, проведенное Институтом социологии РАН в марте-апреле 2010 г. и опубликованное издательством «Весь мир» под названием «Готово ли российское общество к модернизации?»².

Исследование охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов России, представлявших основные социально-профессиональные группы населения.

«В центре внимания авторов, – говорится в аннотации к книге, – такие проблемы, как: понимание населением России сути и смысла модернизации, характер запроса российских граждан на модель социально-экономического развития страны, связь между модернизацией и развитием российской демократии, оценка этапа социокультурной модернизации, на котором находится Россия, движущие силы российской модернизации и т. д.».

В данном исследовании меня особенно привлекли три раздела:

1. Субъекты модернизации – кто они? (разд. 11);

2. Средний класс как субъект модернизации (разд. 12);

3. Модернизация и развитие российской демократии (разд. 6).

Что касается субъектов модернизации, то, по оценке авторов исследования, бесспорным лидером «среди социальных, способствующих развитию России, в глазах населения – это рабочие и крестьяне». «Заметно отстают от них, но все же отчетливо выглядят в глазах большинства населения опорой программного развития России также интеллигенция, молодежь, предприниматели и средний класс»².

Более проблематична роль военных и руководителей предприятий и фирм. Еще хуже ситуация с сотрудниками правоохранительных органов. «И, наконец, бесспорным тормозом развития России выступают в глазах ее граждан государственные чиновники»².

На лидерство рабочих и крестьян среди субъектов модернизации авторы исследования указывают не раз².

Авторы как вывод указывают на то, что «в России в общественном сознании в настоящее время доминирует характерное для индустриального этапа развития любой страны восприятие рабочих как ключевой социальной группы. В нашей же стране, прежде всего из-за ее «недоурбанизированности», этот вектор положительной оценки приобретает рабоче-крестьянский характер.

При этом неготовность рассматривать в качестве главных «двигателей» развития интеллигенцию и средний класс свидетельствует об отсутствии у россиян подсознательных установок на предполагающий развитие инновационных технологий модернизационный рывок в экономике. Негативное же восприятие госчиновников и со-

трудников правоохранительных структур при достаточно осторожной и даже противоречивой оценке руководителей предприятий и фирм свидетельствует о том, что россияне не видят в них социальных акторов, способных на практике организовать движение страны к выбранным идеалам развития»².

Этот вывод авторов не вполне согласуется со следующим, идущим чуть ниже. «Таким образом, – пишут они, – если рассматривать картину представлений об акторах общественного развития не в статике, а в динамике, то можно зафиксировать достаточно быстрые изменения общественного сознания в сторону большей готовности страны к модернизационному рывку»².

В 12-м разделе авторы анализируют модернизационный потенциал среднего класса России. В нем, в частности, отмечается, что «численность среднего класса значительно увеличилась за период экономического роста, предшествовавшего кризису».

Так, в 2003 г. доля среднего класса составляла 29%, в 2008 г. – 34%². В годы кризиса эта доля значительно уменьшилась, но затем снова вернулась к 2008 г.

Вывод, к которому приходят авторы, состоит в том, что «модернизационный потенциал среднего класса достаточно высок – особенно это относится к его ядру, где более половины составляют “модернисты”, а доля “традиционалистов” незначительна (2%)»².

Однако некоторые оговорки, говорящие о неполной уверенности авторов в своих выводах, все же в тексте присутствуют. Например, они считают, что говорить о формировании политического сознания, характерного для развитых современных обществ, применительно к российскому среднему классу не приходится.

«Ни российский класс в целом, ни его ядро не способны выступать субъектами политической модернизации по западной модели»².

Подводя общий итог своему исследованию среднего класса, авторы пишут: «Средний класс в целом обладает значительным потенциалом. Однако проблема модернизационного потенци-

ала среднего класса связана как с его неоднородностью и наличием в нем периферийных групп, отличающихся от его ядра (в ядре среднего класса “модернистов” оказывается более половины, в ближайшей периферии – около четверти), так и с неодновременностью протекания модернизационных процессов в различных областях сознания и поведения среднего класса»².

С точки зрения темы данной статьи особый интерес представляет вывод о том, что «средний класс не готов выступать актором политической модернизации, причем это относится как к среднему классу в целом, так и к его ядру»².

Если к сказанному добавить, что авторы исследования, к сожалению, не отвечают на вопрос, в чем состоит модернизационный потенциал среднего класса (за исключением разве что идеи о стремлении среднего класса к развитию новых технологий и инноваций) и о том, что «именно представители среднего класса, и особенно его ядро, в наибольшей степени способны выступать социальной базой для технологической модернизации, поддерживая соответствующие меры правительства» (с. 262–263), и что дает им право именовать его субъектом модернизации, то тогда сомнения об объективности анализируемого исследования еще больше возрастают.

С наличием мощного среднего класса прямо связана тема стратификации общества.

Такое огромное расслоение, как в современной России, крайне опасно. Это мина замедленного действия, и она обязательно когда-нибудь сработает. Отсюда, кстати сказать, еще одна важнейшая цель модернизации – скорейшая минимизация социального расслоения в России. (Правда, в реализацию этой цели мне лично мало верится.)

Переходя ко второй составляющей императивности нашей модернизации – внешней, отмечу прежде всего то, что она заключается в как можно более скором преодолении того отставания, кото-

рое давно образовалось и продолжает увеличиваться между Россией и наиболее развитыми странами мира и которое все больше превращается для нас в реальную угрозу. И не только военную.

Но не надо представлять дело таким образом (как это видят некоторые наши известные аналитики), что впервые в истории у России нет врагов*. У государства с такой территорией и такими богатствами, с убывающим населением и большой экономикой всегда будут не только недоброжелатели и завистники, но и враги. Особенно среди сильных соседей, у которых недостает ни территории, ни ресурсов для удовлетворения своих быстро растущих потребностей.

Из вышесказанного однозначно вытекает не только то, что модернизация для России – это абсолютный императив, но и то, что, как и в предыдущие века, ей жизненно необходимо всегда держать порох не только сухим, но и в современном состоянии. Иначе говоря, наши вооруженные силы и обороноспособность должны быть на уровне мировых стандартов. И те 20 трлн руб., которые запланировано потратить на перевооружение армии к 2020 г., как раз и должны решить эту задачу.

Подозреваю, что новая (космическая) гонка вооружений, в которую мир втягивается, главным образом, по инициа-

тиве Китая и от которой нам никак не удастся уклониться, как это было, например, с СОИ в конце 80-х годов, заставит нас еще больше раскошелиться на военные нужды, и тогда уж точно даже баррель нефти за 200 долл. нас не спасет. Отсюда вытекает, что новая гонка вооружений, в которой мы неизбежно и по объективным причинам должны будем участвовать, вполне может поставить жирный крест на нашей модернизации.

Беда еще и в том, что гонка вооружений – объективный и вечный процесс и уйти от него еще никому не удавалось. Минимизировать ущерб от него в состоянии лишь те страны, в которых наиболее развиты технологии двойного назначения, у которых многочисленное население и небольшая территория относительно этого населения, а также те страны, которые объединяются в крупные военно-политические союзы.

На тему перманентной гонки вооружений мало кто обращает внимания, но она всегда висит над Россией как дамоклов меч, и от нее мы никак не можем уклониться**.

Отечественный ВПК всегда был государством в государстве, и поэтому мы никогда ничего не жалели, чтобы защитить страну от внешней угрозы. Для этого мы обделяли и всегда будем вынужде-

---

* Одним из наиболее последовательных сторонников такой точки зрения является достаточно известный эксперт по внешнеполитической тематике С.А.Караганов. «У России, – пишет он, – сложилась уникальная за ее тысячелетнюю историю ситуация. Ей впервые никто всерьез пока не угрожает» (РГ. 2011. 18 мая).

** Правда, Президент Д.Медведев не раз справедливо замечал, что России нельзя втягиваться в гонку вооружений и что если это произойдет, о модернизации можно забыть. Однако уклониться от гонки вооружений никак у России не ролучится. Это объективный и постоянный, даже вечный процесс. Но гонку вооружений можно все же сдерживать и ее негативное воздействие можно и надо стремиться минимизировать как за счет технологий двойного назначения, так и создания крупных военных организаций типа НАТО, которые позволяют распределить военные затраты на большее количество стран. При этом, правда, всегда есть лидеры (США в НАТО, СССР в ОВД), которые несут основное бремя ответственности и расходов. Иначе говоря, отдельно взятой стране в гонке вооружений участвовать тяжелее, чем в составе крупной организации.

ны обделять и ущемлять другие секторы экономики.

Можно спросить: «А разве у других стран нет такой же проблемы? И если есть, то как они умудряются успешно решать и одно, и другое?»

Ответ: «Конечно, есть, но стоит она не так остро, как у нас. Потому что территории не такие огромные, потому что кооперируются с другими, чтобы военные расходы на душу населения были меньше (НАТО – весьма наглядная иллюстрация), потому что технологии более развиты, и к тому же они, как правило, двойного назначения и активно используются в гражданских отраслях промышленности, потому что они экономнее и лучше используют свои ресурсы, и т. д.»

Короче говоря, ставя задачу модернизации, мы не должны забывать, что есть тот камень на шее, от которого мы не можем освободиться, но который нам сильно мешает двигаться и модернизироваться.

При этом нельзя забывать, что кроме, так сказать, естественной природы гонки вооружений в ней всегда есть и искусственная составляющая, специально

создаваемая противниками. Навязывая гонку другим, «передовики» всегда тешат себя мыслью, что противник в силу различных причин надорвется и в конце концов потерпит фиаско. Так было в противостоянии США и СССР или Запада и Востока, так происходит и сейчас. И это несмотря на то, что Россия уже давно перестала быть социалистической.

Чтобы убедиться в правомерности такого утверждения, достаточно внимательно ознакомиться с данными Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI), который уже много лет ежегодно публикует свои доклады³.

По данным SIPRI, абсолютным чемпионом в гонке вооружений остаются США: 43% общих военных расходов в мире, или 698 млрд долл., в 2010 г. из 1,6 трлн долл. Это в 6 раз больше, чем у Китая (119 млрд долл.) и без малого в 12 раз больше, чем у России. По оборонному бюджету наша страна занимает 5-е место – после США, КНР, Великобритании и Франции.

К уровню 2001 г. они увеличились на 82%, а к уровню 1980 г., самой низшей точке, – на 186%. Но, учитывая также общее состояние нашей экономики, нетрудно представить себе, каким бременем военные расходы ложатся на общество и государство³.

Основные субъекты модернизации, их состояние и потенциал

Политическая модернизация не менее (если не более) важна, чем, например, технологическая или любая другая, а ее субъекты также не менее важны, чем технологии или инвестиции, поскольку именно политические субъекты формируют инновационные мотивации и среду, которые двигают разнообразные процессы в обществе и государстве.

Именно это должно побуждать аналитиков и экспертов заниматься этим ключевым вопросом, чтобы уяснить, в каком состоянии находятся субъекты политической модернизации и как они ею занимаются. В этом, очевидно, и состоит роль

различных обществоведческих наук, чтобы дополнять и восполнять то, что недодумывают власть предержащие.

Каковы же те структуры, которые можно причислить к субъектам политической модернизации?

Это прежде всего руководство страны и особенно первые лица государства – президент Д.А.Медведев и премьер-министр В.В.Путин; это – Федеральное собрание; это – партия «Единая Россия» и ее руководство; это – высшая административно-политическая элита и государственный аппарат, то есть это те структуры, которые составляют ко-

стяк нашей власти, планируют, организуют и направляют внутреннюю и внешнюю политику страны.

Почему важно определить, как эти субъекты настроены на модернизацию, как они ее себе представляют и как мыслят ее реализовать?

Это важно потому, что именно от направляющей и организующей воли этих субъектов зависит не только тот путь, по которому будет двигаться страна не один год, но и цена и конечный результат усилий многих десятков миллионов людей. К сказанному следует добавить, что исторического времени у России сейчас значительно меньше, чем при предыдущих модернизациях, когда соперников, которые опережали Россию и которых надо было догонять, было меньше и они располагались только в Европе и США. Теперь они есть и на Востоке. И это не только Япония, но и Китай, да и другие страны.

Обращаясь непосредственно к политическим субъектам модернизации, надо прежде всего начать с высших руководителей страны, то есть президента и премьер-министра, образующих уникальный властный тандем, который по-разному оценивают, но от которого в любом случае исходит высшая властная воля и зависит не только выбор пути нашего движения и развития, но и методы и формы реализации планов.

Вот здесь перед нами и возникает первый узел противоречий. Он состоит в том, что у этих двух акторов достаточно различаются взгляды на то, каким путем нам идти – либеральным или консервативным – и что конкретно делать на этом пути. Это только на первый взгляд кажется, что различия не существенные, что оба – и Д.Медведев, и В.Путин – за системную модернизацию и радикальное обновление страны.

На самом деле различия в концепциях и методах их реализации всегда важны. И даже если общие цели и задачи

формулируются ими в целом одинаково, при различиях в методах их реализации конечный результат может получиться совсем не таким, как предполагается изначально.

В качестве иллюстрации в различных в подходах сошлюсь на правительственную «Стратегию-2020», о которой мне уже не раз приходилось говорить⁴. Эта стратегия вызвала неоднозначную реакцию в отечественном и зарубежном сообществе.

Неслучайно этот документ сразу же начали корректировать, и в том числе потому, что грянул кризис. Но самой основательной правке он подвергся в 2011 г.

Решением правительства РФ (февраль 2011 г.) была создана 21 рабочая группа, куда вошли 1100 экспертов, преимущественно ученых из РАНХ и ГС и НИУ ВШЭ, работу которых координирует первый вице-премьер И.Шувалов.

К августу 2011 г. они должны представить на обсуждение правительства обновленную стратегию, но поэтапное обсуждение некоторых идей и разделов при самом активном и регулярном участии В.В.Путина идет уже сейчас.

В течение марта 2011 г. таких обсуждений было несколько. Последнее состоялось 29 марта. (Отчет о нем опубликован в «Российской газете» 30 марта 2011 г. под заголовком «Тысяча мнений»).

Параллельно с этим процессом, который развивается с 2008 г., идет и другой, возглавляемый Д. Медведевым.

Он начался примерно на год позже, чем первый, а именно с создания по Указу Президента России от 20 мая 2009 г. «Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики».

Комиссия, которую возглавляет сам президент, также регулярно заседает и также обсуждает актуальные проблемы модернизации страны. Одним из самых примечательных явилось заседание, состоявшееся 30 марта текущего года в Магнитогорске. На нем обсуждались не только новые инициативы президента⁵, но и прозвучала острая критика в адрес правительства.

Речь на заседании шла, в частности, об очень плохом инвестиционном климате в стране, об интенсификации борьбы против коррупции и т.д. «Деньги бегут из нашей экономики, – отметил

Медведев, – в возможность безопасной и успешной предпринимательской деятельности верят не так много людей, как нам бы хотелось, доверяют не так много предпринимателей, и мы с этим мириться больше не можем – ни я, ни правительство Российской Федерации»⁶.

Прежде чем президент озвучил 10 пунктов своего доклада, он заявил: «Нам нужны технологии, нам нужны деньги в объемах, соразмерных размеру России».

Только рост инвестиций обеспечит создание новой экономики и даст ту самую творческую, высокооплачиваемую работу нашим людям, о которой, собственно, мы заботимся в ходе заседаний нашей Комиссии. Стало быть, сделает наше общество богаче и, что немаловажно, свободнее, укрепит тем самым основу и материальную основу – безопасности и, соответственно, демократического развития Российской Федерации»⁵.

Первый из 10 пунктов, провозглашенных Д.А.Медведевым в Магнитогорске 30 марта, касающийся снижения социальных взносов предпринимателей с 34% до прежнего уровня, то есть до 26%, сразу же вызвал серьезные вопросы (а фактически возражения) у главы правительства.

Подробно объяснив, почему социальный налог был повышен до 34%, В.В.Путин напомнил, что «налоги для бизнеса были повышены не просто так, а для того, чтобы увеличить пенсии и зарплаты силовикам, модернизировать оборонную промышленность и здравоохранение. Цена – до 800 млрд руб.»⁷.

Ключевая фраза премьер-министра была произнесена вслед за ее обоснованием: «Прямых, прямолинейных решений не существует. Мы не сможем снять нагрузку с бизнеса и переложить ее на плечи рядовых граждан»⁷.

Именно в этой фразе и заключается суть принципиально иного подхода Путина к тем процессам, которые происходят в нашей стране и тем методам, которые надо применить при решении назревших задач.

В одном случае – у Медведева – это 10 пунктов (задач), которые надо непременно решить за год, а не то последуют

жесткие оргвыводы, в другом же случае – с Путиным – мы видим более взвешенный, осмотнительный и вполне системный подход. Об этих различиях в подходах к модернизации весьма откровенно говорит и сам Медведев.

Выступая 18 мая 2011 г. на пресс-конференции в Сколково, он сказал: «По вопросам модернизации моя позиция несколько отличается от позиции премьера Путина. Он считает, что модернизация – это спокойное, постепенное движение, а я уверен, что у нас есть шансы и силы для того, чтобы модернизацию провести быстрее, добиться хорошего результата, совершить качественный шаг вперед»⁸.

Обращая внимание на различие в подходах президента и премьера к модернизации, можно говорить и о том, что в первом случае это либеральный подход, а во втором – консервативный. К слову сказать, президент Медведев не хочет, чтобы его считали консервативным.

Конечно, в этой ситуации возникает закономерный вопрос: кто из двух наших руководителей прав – Медведев или Путин? Вопрос непростой и однозначно го ответа на него нет. Почему? Постарайтесь объяснить.

Если исходить из того, что исторического времени у нас мало и поэтому модернизацию нам надо провести в крайне сжатые сроки (как в свое время социалистическую индустриализацию, которая тоже была технологической модернизацией), то тогда прав Медведев. Но при таком подходе и таких мобилизационных методах модернизации нам надо будет согласиться с мобилизационными методами и высокой ценой преобразований, с ограничением социальных программ, что, конечно, вызовет растущее недовольство населения и многое другое. Особенно в условиях колоссального социального расслоения, о котором говорилось выше. При таком подходе резко вырастет вероятность совершения ошибок, как в выборе целей, опре-

делении задач движения, так и методов их реализаций.

Думаю, что наше сегодняшнее общество, в отличие от советского общества 30-х годов XX в., которое находилось в другом состоянии и жило в другом мире, воспротивится такому подходу. Поэтому мобилизационная модернизация, не раз апробировавшаяся у нас, нам сегодня не подходит. Отсюда, кстати говоря, вытекает и ответ на вопрос: кто из тандема должен возглавлять модернизацию и, соответственно, страну. Но ответ на этот вопрос опять же не так прост, как представляется на первый взгляд. Потому что при парламентской форме правления это может быть и премьер-министр – лидер партии, победившей на выборах. Однако вряд ли мы в обозримом будущем перейдем к этой форме правления. Особенно при том негативном отношении, которое к этой форме доминирует в России, начиная с первых лиц государства, хотя никто в этом досконально не разбирался. Особенно в теоретическом смысле.

Попробуем коротко разобраться в этом.

В России всегда считалось (и на этом настаивали основная часть интеллигенции и правящий класс), что самодержавная форма правления – будь то великокняжеская, царская, генсековская или президентская, – наиболее адекватна для такой страны, как наша, так как сложные условия жизни северной страны и недружественно настроенное внешнее окружение требуют максимально возможной концентрации власти, вплоть до абсолютной, чтобы эффективнее и в максимально сжатые сроки решать назревающие проблемы.

Вот что по этому поводу говорил, например, Д.А.Медведев, выступая 13 мая 2011 г. в Костроме перед молодыми депутатами законодательных собраний. Утверждая, что президентская форма правления самая подходящая для России, он аргументировал свою позицию следую-

щим образом: «Я абсолютно убежден в том, что в силу истории, размеров нашего государства, сложнейшего этноконфессионального состава нашего государства не существует альтернативы президентской форме правления. Вот в этом я убежден на 100 процентов»⁹.

Но при этом почему-то редко вспоминают о том, что такая форма власти очень часто давала сбои, и все по одной лишь причине: из-за неадекватности правителя и, соответственно, той системы, которая приводила этого правителя к власти. Кроме того, быстрое решение проблемы не означает гарантии их правильного решения. Очень часто происходит как раз наоборот. Сбои приводили к трагедиям в виде не только кризисов, но и революций, перманентной отсталости и т. д. Это самое убедительное доказательство неадекватности самодержавной формы правления для России.

О вреде и опасностях чрезмерной концентрации власти весьма убедительно говорил в том же выступлении в Костроме Д.А.Медведев. «Сверхконцентрация власти – это действительно опасная штука, в нашей стране это было неоднократно и, как правило, это вело или к застою, или к гражданской войне. Мы этого допускать не должны, должны действовать строго в рамках конституции. Попытки выстроить власть под конкретного человека в любом случае опасны. Если они и не принесут проблем в текущей жизни, то можете не сомневаться, в обозримом будущем они создадут огромные проблемы и для самой страны, и для конкретного человека»⁹.

Несмотря на все приведенные и совершенно обоснованные доводы против сверхконцентрации власти, Медведев все же убежден, что для России самая подходящая форма правления – президентская.

Однако с такой постановкой вопроса и ее аргументацией можно поспорить. Коротко скажу лишь следующее.

Те самодержавные формы правления, которые во многих странах существовали веками, история безжалостно отменяла. Сейчас в этих странах (в част-

ности в Европе, к которой мы любим себя причислять) функционируют преимущественно либо парламентские республики, либо президентские, но относительно ограничиваемые парламентами, правительствами, гражданским обществом, прессой.

Размеры государства, на которые очень любила ссылаться Екатерина Великая, оправдывая свой просвещенный абсолютизм, – тоже слабый аргумент. Так же как следующий довод о сложнейшем этноконфессиональном составе. И огромные размеры, и конфессиональный состав, являющиеся объективной основой нашего федерализма, говорят как раз о том, что нужна децентрация власти, а не ее концентрация.

Фактический унитаризм государственного устройства и сверхконцентрация власти коммунистической партии в годы советской власти – лучшее опровержение доводов о том, что огромные размеры государства и сложнейший этноконфессиональный состав требуют повышенной концентрации власти. Как раз наоборот.

Об опасности сверхконцентрации политической власти также категорично высказывается известный польский экономист и политический деятель, автор плана успешных экономических реформ в Польше (творец польского экономического суда) профессор Лешек Бальцерович.

Отвечая в одном из своих интервью на вопрос главного редактора журнала «Свободная мысль» В.Иноземцева, что имеется в виду под современной модернизацией, Бальцерович сказал: «Модернизация – это практически синоним экономического роста», «масштаб и сама возможность такого роста зависят от того, насколько много в обществе шоков – потрясений и вызовов».

Внутренние шоки в обществе зависят, по мнению Бальцеровича, «прежде всего от размеров концентрации политической власти».

«Чем выше такая концентрация, – считает он, – тем выше риски, связанные с последствиями прихода к власти неадекватных политиков, экстремистов или просто людей, неосторожно

действующих в сложных политических условиях. Сталин, Мао Цзэдун, Пол Пот или в гораздо более мягкой форме, Герек в Польше – эти примеры показывают, каким может быть масштаб социальной катастрофы в подобных ситуациях»¹⁰.

Утверждая далее, что «в общем и целом концентрация политической власти – это весьма существенный риск для экономического роста», Бальцерович говорит, что сверхконцентрация политической власти «подчас ведет к серьезным ошибкам – и все это потому, что над властью нет никакого контроля».

«И если мы всерьез задумываемся об устойчивом экономическом росте – причем не только на сегодня и завтра, но и на отдаленную перспективу, – то прежде всего должны озаботиться тем, как можно максимально нейтрализовать эти внутренние вызовы, и тут противодействие концентрации политической власти является одной из важнейших задач»¹⁰.

То, что Бальцерович слышал в России о модернизации, «это скорее риторика, и не более того»¹⁰. Чтобы восстановить высокие темпы экономического роста (7–8% в год), по мнению Бальцеровича, «потребуется трудные политические реформы, прежде всего способные открыть новые возможности среднему и малому бизнесу. А такие реформы, несомненно, требуют преобразования власти и ее аппарата»¹⁰.

При осмыслении вопроса о президентской форме правления возникает вопрос: является ли она самодержавной и наивысшей концентрацией власти?

Если исходить из того, что президент избирается народом, а не становится таковым по традиции, как, например, великий князь, царь или король, то относить его к самодержцам нельзя. Но если не забывать, как у нас, особенно начиная с 2000 г., определяется преемник президента и как за него голосуют, то сразу возникают сомнения в подлинной демократичности процедуры выборов в президенты и, соответственно, легитимности самого президента. Поэтому нашего президента и, например, американского никак нельзя сравнивать; отсюда и уровень легитимности одного и другого. Хотя архаичная аме-

риканская система выборщиков тоже не вполне демократическая процедура и временами дает сбой.

Например, в 2000 г., когда за пост президента боролись Джордж Буш-младший и Альберт Гор.

Однако этот недостаток американской электоральной системы компенсируется, во-первых, тем, что кандидатура, которую та или иная партия выдвигает на пост президента, проходит через очень жесткие сита праймериз. Конечно, при этом весьма существенную роль нередко играют разнообразные закулисные силы, особенно крупные монополии (например, нефтяные) и их деньги, СМИ и пр., но фактор адекватности и общественной популярности кандидата в президенты, выявляемые во время длительного предвыборного марафона, играют все же более важную роль. Поэтому выявление и определение основной кандидатуры партии на выборах президента в США и в России – это две большие разницы. Соответственно, вероятность попадания на пост президента США слабой, неадекватной личности весьма мала.

Не клан, не узкая группа лиц, а система, воспроизводя свои несущие конструкции, сохраняет не только свою работоспособность, но и создает условия для постоянного совершенствования основных сфер общественной и государственной жизни. И все это возможно только на конкурентной основе и в конкурентной среде. Именно в такой ситуации общество и государство лучше всего готовы адекватно отвечать на новые вызовы времени.

Поэтому лучше, когда существует и работает система, а не отдельные личности, решающие проблемы в режиме «ручного управления». Стоит только личности по какой-то причине выйти из строя и перейти на режим «работы с до-

кументами», как это часто случалось, к примеру, с президентом Ельциным Б.Н., властная конструкция тут же замирает и ждет, когда эта личность снова возьмет в руки руль управления. Система власти никогда, ни на минуту не должна замирать.

Политическая система, построенная на фундаменте конкурентной партийной системы, всегда более прочна и эффективна. По этой причине парламентская политическая система более предпочтительна, чем президентская. Робкие планы перейти к этой системе в России, активно обсуждавшиеся лет 6–7 назад, ни к чему не приводили. Вот и сейчас такие планы снова строятся. И прежде всего в недрах партии «Единая Россия», которая неоднократно в предыдущие годы твердо заявляла, что готова взять на себя бремя создания партийного правительства и ответственность за управление страной.

В рамках различных проектов социальной модернизации выделяется проект (точнее его наметки) фонда «Стратегия -2020», директором которого является М.Ремезов.

Будучи сторонником политического усиления «Единой России», Ремезов считает, что «она должна формировать правительство по итогам выборов, нести политическую ответственность». «Нужно предложить программу партийной демократизации, когда каждый министр должен быть по определению партийным»^{11,12}.

Парламентская форма обладает целым рядом преимуществ, которые, на мой взгляд, дают ей заметную фору предпрезидентской.

Если же, однако, исходить не из того, что нам надо спешить, а, наоборот, из того, что история дает нам достаточно времени и мы можем проводить модернизацию в более размеренном темпе, экспериментируя по ходу, то есть по принципу семь раз отмерь, один раз отрежь, то тогда консервативный подход

Путина более оправдан¹². И цена социальных издержек в этом случае будет ниже, и уровень доверия власти и толерантности общества заметно выше, и вероятность ошибок будет, скорее всего, ниже. Но самое главное состоит в том, что от неизбежной догоняющей модернизации мы со временем сможем перейти к опережающей, устойчивой инновационной и наконец-то решить ту проблему, которую никогда еще за всю нашу историю нам решать не удавалось, то есть проблему перехода к модели постоянного развития.

При всей привлекательности такого подхода нельзя все же забывать, что сегодняшний внешний мир и внешние обстоятельства, от которых в большой степени зависели все наши модернизации и нынешняя в том числе, не позволяют нам двигаться ни шатко, ни валко, как мы традиционно поступаем. Объявленная и активно реализуемая западными странами стратегия перехода на альтернативные источники энергии приведет уже в обозримой перспективе к значительному снижению мировых цен на нефть и газ и, соответственно, к тому, что наш основной источник пополнения бюджета начнет быстро иссякать.

В подтверждение такого сценария развития событий сошлюсь на новую энергетическую инициативу президента США Б. Обамы и его план по снижению потребления импортной нефти на одну треть, рассчитанный на ближайшие 10 лет.

«Сегодня, – говорит Обама, – я устанавливаю новую цель, разумную, достижимую и необходимую. На момент, когда я был избран президентом, Америка импортировала 11 млн баррелей нефти в день. Чуть более чем через 10 лет мы сократим этот показатель на треть»¹³.

То, что не будет закупаться у других стран, США планирует заменить собственными углеводородами. Администрация Обамы нацелена на активное ин-

вестирование средств в альтернативную энергетику – геотермальную, солнечную, ветровую. Большие надежды американцы возлагают на газ.

По состоянию на 2009 г., США увеличивали резервы природного газа на 4,9% ежегодно в течение последних 5 лет, в то время как внутреннее потребление росло всего лишь на 0,4% ежегодно за этот же период. Это избыточное предложение газа также можно использовать в качестве энергоресурса взамен дорогой нефти.

Процесс перехода на новые источники энергии активно развивается не только в США, но и в странах Евросоюза, а также в Китае, который лидирует по количеству инвестиций в отрасли альтернативных источников энергии (в 2010 г. они составили 54,4 млрд долл.).

По оценкам аналитиков, даже частичный отход стран Европы и США – основных импортеров нефти в мире (1/2 объема в мире импорта в мире) от импортируемой нефти приведет к падению мировых цен на нефть на 10–20 долл. за баррель, что явится катастрофой для российской экономики, сидящей на нефтегазовой игле¹³.

Полагаю, что нет необходимости более подробно останавливаться на этой теме. Я это сделал исключительно для того, чтобы показать, что возможности наших лидеров, те экономические и финансовые инструменты, которыми они располагают, имеют относительный характер и могут быстро иссякнуть. Отсюда следует вывод: надо как можно больше диверсифицировать инструменты как внутренние, так и внешние. Пора, в частности, более основательно задействовать механизм государственно-частного партнерства, возможности и ресурсы наших олигархов-миллиардеров, число которых почему-то множится даже в период кризиса с невероятной быстротой.

Примеры Прохорова и Вексельберга – крайне редкие исключения в списке российских олигархов-патриотов. Чего уж тут ждать от иностранных инвесторов.

Роль иных субъектов модернизации

Переходя к другим политическим субъектам нашей модернизации, скажу лишь следующее. Наше Федеральное собрание и местные представительные органы власти – субъекты, как известно, подневольные, безропотно выполняющие волю вертикали власти: тандема, губернаторов, мэров и поэтому до декабрьских выборов в Госдуму, да и потом, не стоит ожидать каких-то сюрпризов и самостоятельности с их стороны.

Ускоренное (если не стремительное) создание Общероссийского народного фронта (ОНФ), начавшееся сразу же после выступления В.В.Путина 6 мая 2011 г. в Волгограде на межрегиональной конференции «Единой России», и Стратегия социально-экономического развития Юга России до 2020 года» заметно, но не радикально изменили политический ландшафт России. Не радикально потому, что в ОНФ «Единая Россия», без сомнения, сохранит главенствующие позиции. Около 150 общественных организаций (на начало июня 2011 г.), которые будут ее «приводными ремнями», окажутся в роли ведомых. Предполагается, что ОНФ значительно расширит электоральные возможности «ЕР» во время думских выборов (декабрь 2011 г.), на которых «ЕР» хотелось бы, как мне представляется, сохранить принципиально важное для всей нынешней конструкции власти конституционное большинство в нижней палате парламента.

Но ОНФ также значительно усилит электоральные возможности В.В.Путина, если он изъявит желание избираться в президенты. Поэтому если представительство союзников «ЕР» по ОНФ в Госдуме будет значительным (речь шла о том, чтобы в единый список кандидатов включить 150 представителей от организаций, вступающих с «ЕР» в единый

фронт), то депутатский «ковер» станет значительно более пестрым, а конфигурация сил – сложнее. И роль Думы в политической жизни страны, очевидно, тоже переменится¹⁴.

Идея создания ОНФ была поддержана Д.А.Медведевым, который заявил, что подобные организации могут быть созданы и другими¹⁵.

Наряду с созданием ОНФ Путин объявил в Волгограде и об образовании Агентства стратегических инициатив (АСИ).

Предполагается, что к 2012 г. АСИ может получить статус госведомства, которое возьмет на себя часть функций Минэкономики и Минобрнауки, будет согласовывать работу «инновационных» подразделений в большинстве ведомств и координировать работу ряда научных госпрограмм и федеральных целевых программ.

Путин предложил эту идею, которая, по его мнению, «фактически станет лифтом и для проектов, и для людей, которым немного не хватает для того, чтобы сделать качественный рывок».

Проект АСИ выглядит как премьерская альтернатива аналогичным инициативам президента Д.А.Медведева (фонд «Сколково», президентская комиссия по модернизации и т. д.)¹⁶.

На следующий субъект – государственный аппарат – также мало надежды. Хотя бы потому, что он малоэффективен и насквозь коррумпирован. Более того, давно замечено, что бюрократия – государство в государстве, которое в определенных условиях может быть мощным инструментом политической элиты в проведении ее политики, а в других условиях – не только ее тормозом, но и преградой, а то и могильщиком. И дело не только в том, в какой степени государственная бюрократия заинтересована в проведении преобразований и модернизации в особенности.

К слову сказать, ни одна бюрократия ни в одной стране никогда объективно не заинтересована в радикальных пере-

менах, то есть в основательной модернизации. Она, наоборот, заинтересована в сохранении статус-кво, которое для нее и щит и броня.

Бюрократия работает по действующим законам, подзаконным актам, инструкциям, регламентам, а реформы, и тем более модернизация, строящаяся на радикальных преобразованиях, уничтожают привычную для нее среду обитания. Поэтому государственная бюрократия и модернизация – естественные и объективные антагонисты. При устойчивой политической системе бюрократия обретает именно ту среду обитания и ту твердую почву под ногами, которые являются для нее наиболее комфортными и в которых она может объективно быть эффективной. Трансформирующаяся система для нее первый враг.

Поскольку нам до устойчивой системы далеко, постольку возникает сложный, если не сказать судьбоносный, вопрос: что делать с нашей более чем миллионной армией чиновников? Надо ведь, чтобы она была союзницей модернизации, ее проводником, но никак не противником. Оставляю вопрос открытым, так как тема «Государственная бюрократия и модернизация» – отдельная большая и многоаспектная тема, требующая специального рассмотрения. Тем не менее сошлюсь на одну статью, автором которой является известный российский политолог В.Никонов.

Основной пафос размышлений Никонова состоит в том, что российскую систему подготовки кадров государственного управления «необходимо максимально модернизировать, приблизив к той модели, которая давно существует в наиболее развитых странах и доказала свою способность производить на свет состоявшихся руководителей государств, госорганов, большого бизнеса»¹⁷.

В общем, для того чтобы быть инструментом модернизации, российская бюрократия сама должна быть модернизирована.

Переходя к следующему субъекту модернизации – политической элите, отмечу лишь, что в современной России еще не сложилась (и не могла сложиться по целому ряду объективных и субъективных причин) такая элита, которая бы в массе своей стремилась к системной модернизации страны, была бы готова и заинтересована ее осуществлять.

Как и предыдущая тема – о государственной бюрократии, тема российской элиты (особенно политико-административной), ее готовности к модернизации страны – особая тема, требующая специального анализа и обсуждения.

Специального обсуждения заслуживает и тема «Партии и партийная система современной России и их роль в модернизации страны». Современная ситуация с этими субъектами модернизации и такова, что в лучшем случае они могут быть инструментами модернизации, хотя в развитых странах Запада именно партии, и в целом партийная система, и через свои программы, и конкретную деятельность в период нахождения у власти являются генераторами и двигателями модернизации политической и экономической систем и общества в целом.

Нашим ведущим четырем партиям, представленным в Госдуме – «Единой России», «Справедливой России», КПРФ и ЛДПР, – до этого еще очень далеко. Именно партийная система, воспринимая импульсы, идущие от общества, должна задавать тон в инновационном обновлении общественной и государственной жизни.

Чтобы это могло у нас состояться, роль партий и партийной системы должна радикальным образом измениться. Из служанок вертикали власти, и прежде всего президентской администрации, они должны превратиться в самостоятельные субъекты политической жизни. Но до этого, повторяю, еще очень далеко.

Итак, наши политические субъекты (за исключением властного тандема) еще не находятся в том качественном состоянии, чтобы быть генераторами и двигателями системной модернизации.

И государственный механизм, и элиты, и партии вкупе с партийной системой сами нуждаются в модернизации. Кто и как это сделает – отдельный вопрос.

Отсюда следует достаточно пессимистический вывод о том, что перспективы современной российской модернизации достаточно туманны. Конечно, не только по причине состояния субъектов модернизации, но и многим другим, заслуживающим отдельного анализа. И отвечая на вопрос, поставленный в названии данной статьи, миф или реальность модернизация России, надо честно признать, что пока это больше миф. Но этот миф обязательно должен стать реальностью. Потому что на карту поставлена ни много, ни мало – судьба России.

Примечание

¹ Гринберг Р. Счастье?2020 // Аргументы и факты. 2011. 04–10 мая.

² Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К.Горшкова, Р.Крумма, Н.Е.Тихоновой. М.: Весь мир, 2010. С. 231, 232, 234, 236, 255, 237, 259, 260–264, 268, 271–272.

³ Вашингтон подталкивает Москву к гонке вооружений // Независимая газета. 2011. 12 апреля.

⁴ Модернизация Российского общества и государства и ее рефлексия в политической науке. Материалы круглого стола. СГСЭУ, 2009. С. 30–32.

⁵ Стальные тезисы президента // Известия. 2011. 31 марта.

⁶ Магнитогорские тезисы Медведева // Независимая газета. 2011. 31 марта.

⁷ Осторожный налог // Известия. 2011. 1 апреля.

⁸ Я не оторвался от земли // Российская газета. 2011. 19 мая.

⁹ Остро в Костроме // Российская газета. 2011. 16 мая.

¹⁰ Бальцерович Л. Свобода государства – это самая опасная свобода // Свободная мысль. 2010. № 9(1616). С. 18, 25, 26.

¹¹ Повод для штурма // Российская газета. 2011. 15 апреля.

¹² Элитам прописали тандем // Независимая газета. 2011. 15 апреля.

¹³ России угрожает новый план Обамы // Независимая газета. 2011. 1 апреля.

¹⁴ Народный фронт для общей победы // Независимая газета. 2011. 11 мая.

¹⁵ Россия, вперед! // Российская газета. 2011. 13 мая.

¹⁶ У Владимира Путина свои инновации // Коммерсантъ. 2011. 10 мая.

¹⁷ Никонов В. Наука управлять // Известия. 2011. 24 марта.